Соб. Россия, 1965, 3 июня.

НЕ НАДО ОВАЦИЙ

Артиста Московского драматического театра имени К. С. Станиславского Евгения Леонова хорошо знают зрители по спектаклям «На улице Счастливой», «Дни Турбиных», «Трехгрошовая опера», по фильмам «Полосатый рейс», «Крепостная актриса», «Донская повесть» и многим другим работам. Мы попросили артиста поделиться с читателями нашей газеты своими мыслями об артистическом труде. Публикуем его статью.

Е. ЛЕОНОВ,
заслуженный артист РСФСР

Актеры бывают разные: молодые и маститые, хорошие и средние, трагедийные и комедийные, скромные и зазнавшиеся. Словом, разный встречается народ. Но не родился еще на свет актер, который не любил бы аплодисментов. В этом нет ничего предосудительного, каждому человеку приятна похвала. Конечно, под аплодисментами я подразумеваю не те вежливые хлопки, которыми сопровождает иногда наши премьеры тактичный, хорошо воспитанный зритель. Выйдя из театра, он может нас ругать, не уважать, даже ненавидеть. Но когда в конце представления падает занавес, люди хлопают — такова старая добрая театральная традиция.

Предвижу недоуменные вопросы читателей: к чему, мол, это он клонит? Предлагает отменить такую традицию? Или намекает, что, наконец-то, человечество обрело в его лице актера, до того скромного, до того застенчивого, до того бескорыстного...

Разумеется, нет. Я люблю, даже очень люблю аплодисменты, особенно те, которые «несмолкающие», «переходящие в овацию». И сегодня, внося предложение: не надо оваций, я имею в виду нечто другое. Впрочем, объясню по порядку.

Кто из нас, театральных актеров, снявшихся в кино, не испытал такое чувство: ложишься спать рядовым, обыкновенным, а наутро просыпаешься известным или даже знаменитым. Такова особенность кинематографа, располагающего многомиллионной аудиторией.

Мне и некоторым другим моим товарищам довелось испытать первые удары славы на спектаклях нашего театра имени К. С. Станиславского. Как-то так случилось, что одно время у нас в группе скопилось изрядное количество киознаменитостей. Вот тут-то и началось.

Выходит один из нас и ослепительно улыбается. Ошеломленный зритель, узнав героя любимого фильма, выражает свой восторг шумными рукоплесканиями.

А другая «кинозвезда» в это время ревниво следит из-за кулис и лихорадочно соображает: как бы поэффектнее появиться, чтобы «перешибить» успех предыдущего. Это своеобразное соревнование нас так увлекло, что дело доходило до анекдотических эпизодов. За кулисами происходили диалоги:

— Тебе сегодня сколько раз хлопали?

— Слушай, ты не сделал паузу, и из-за тебя мне не аплодировали.

В таких вещах публично признаваться не особенно приятно. И если я об этом говорю откровенно, то только потому, что убежден: кризис «головокружения от успеха» мы, кажется, пережили. А возник этот кризис у нас в период, когда дела в театре шли не блестяще, когда, выходя на сцену, мы озабочены были не большой задачей спектакля, а собственными, «местными» интересами. Мастерство грубо подменялось кинообаянием, а мысли — белозубой киноулыбкой. И чем меньше мыслей, тем больше «зубов». Возможно, я немножко сгущаю краски, но все-таки это было. В том числе и со мной, явно подхватившим инфекцию славы.

Помню, еще раньше вышел я в день премьеры «Дни Турбиных», и раздались аплодисменты. Подбодрили они меня, подхлестнули и понесли. И уж, конечно, никак не мог я предположить, что после спектакля меня «понесет» наш главный режиссер Михаил Михайлович Яншин.

Я редко видел его таким рассвирепевшим.

— Вы чего это там «Ваньку валяли»?! Аплодисменты захотели сорвать? А не думали ли вы, что сорвете этими аплодисментами весь спектакль? Кривляться каждый сумеет. Вы мне «трубу» давайте!

Сказать, что я был обижен — значит ничего не сказать. Я возмущался, негодовал. Что ему от меня надо? Успех был? Был. Чего же еще? Почему он ко мне придирается, почему несправедлив? Может быть, ошибается? И наконец меня осенило: Яншин мне завидует. Да, да, завидует. А зритель меня любит.

Простите, дорогой мой учитель, Михаил Михайлович. Эта мысль о вашей зависти так смешна, что даже не стыдно в ней признаваться. Нам, вашим воспитанникам, еще много-много надо пройти, чтобы коснуться ступеньки вашего мастерства, мастерства тех, кого называют мхатовскими «старикáми». И спасибо вам земное за эту вашу «трубу».

Под «трубой» Яншин подразумевал жизнь моего героя Лариосика, прожитую до его появления на сцене. Жизнь, нарушенную событиями революции, разрухи. А что было у меня? Лариосик — неуклюжий, неприспособленный, наивный. Эти его черты умножались на личные качества исполнителя (а он был толстый, круглый, с ямочкой на подбородке и тоже достаточно неповоротливый), и на сцене рождался персонаж, каждое движение и слово которого сопровождались смехом и аплодисментами. Но ведь от актера требовалось не смешить зрителя, а поведать ему о судьбе трогательного, неопытного, доброго человечка, по-своему переживающего драму неразделенной любви, существа, открытого для всего хорошего. Вот этой правды и требовал от меня Яншин, когда кричал: «Вы мне дайте трубу!».

Наверное, именно тогда я впервые узнал, что смешным быть гораздо легче, чем понятым, что развеселить зрителя куда проще, чем заставить его думать, страдать, сопереживать.

Комедийному актеру устоять перед соблазном «сорвать аплодисменты» куда труднее, чем какому бы то ни было другому. Стоит появиться на сцене или экране, как люди заранее настраиваются на веселый лад. И поэтому особенно важно научиться контролировать себя, заставить лишний раз не улыбнуться. Постараться под маской смешного человека пронести свои представления о жизни, свою жажду что-то переделать в мире, что-то отстоять.

В нашем деле от смешного до великого — расстояние неизмеримое. Но главный шаг на пути от ремесла к мастерству — это преодоление собственных штампов. Сделать такой шаг далеко не легко. Подхлестываемый бурной реакцией зала, ты порой против воли «нажимаешь», повторяешь, иногда даже несознательно, те приемы, которые пользовались успехом в твоей прошлой роли. Переступить через себя далеко не всегда удается.

Комедийных актеров любит зритель, к ним снисходительны даже критики. Как часто приходится читать рецензии на кинокомедии, где достается сценаристу, режиссеру и в конце говорится: «Не спасает даже замечательный талант актера Н., которому нечего играть и остается только повторять самое себя». Конечно, иногда случается и такое. Но, честное слово, и сами «таланты» забывают простую истину, что повторение — мать учения, но злая мачеха искусства.

Мне очень дороги горячие человеческие отклики на работу в картине «Донская повесть». А когда режиссер Владимир Фетин предложил попробоваться на главную роль, я решил, что он надо мной издевается. Весь художественный совет «Ленфильма» был против, я — против (от неверия, что смогу), а Фетин упрямо добивался своего.

Так в мою актерскую судьбу вошел еще один нарушитель спокойствия (первым был и остается М. Яншин) — В. Фетин, разбудивший творческую инертность, поверивший в иные мои возможности. И я надеюсь, что работа в «Донской повести» неизменно отложит отпечаток и на моих будущих комедийных героев. Во всяком случае стану стремиться каждый раз докапываться до сути характера, не подменяя ее внешней характерностью.

Даже в невероятных сюжетных событиях комедии «Золотая рыбка», где я теперь снимаюсь, таятся реальные наблюдения, переплавленные автором в веселые приключения. А сюжет таков: в одном городишке, без пяти минут селе, жил-был скромный, незаметный труженик. Однажды по случаю острой боли он отправился к дантисту. Тут-то и обнаружилось, что у него не тридцать два зуба, а тридцать три. Так в городишке появился свой феномен, своя знаменитость, свой марсианин. Маленькая прихоть природы — тридцать третий зуб — принесла ему выступления по телевидению, гастрольные турне и т. д. и т. п.

Этот человечек и его приключения вызовут веселое оживление в зале, независимо от того, будет играть его Леонов или кто-нибудь другой. Режиссер Г. Данелия, весь наш съемочный коллектив — мы это понимаем и стремимся уходить от соблазнов посмешить зрителя. Хочется комедийными средствами поведать о том, что нам ненавистно в жизни. Потому что наверняка знаем: нас могут встретить аплодисментами, будут смеяться, но, уйдя из кинотеатра, все равно будут презирать, если почувствуют нашу внутреннюю пустоту, нашу бесстрастность.

Я ничего не открываю нового: серьезные задачи, гражданская устремленность всегда были главными чертами русской комедиографии — в литературе, на сцене. Просто пытаюсь рассказать о своем скромном опыте, поделиться некоторыми наблюдениями со зрителями, ибо ведь нам редко выпадает возможность разговаривать с глазу на глаз. На встречах, которые устраиваются с актерами, к сожалению, чаще всего царит «киноозвездный» дух, и актеры ограничиваются анекдотами, происшедшими на съемках. Я сам лет пять подряд рассказывал смешные истории из съемок «Полосатого рейса», благо там были тигры, а значит, была возможность кое-что присочинить: тигры ведь не напишут жалобы, не опровергнут.

А иные разговоры — требовательные, нелицеприятные — могут принести и приносят большую взаимную помощь зрителям фильмов и особенно их создателям. Из таких встреч тоже хорошо бы изъять овации — авансы и развлекательные актерские трюки. Тогда родится атмосфера серьезного, уважительного отношения друг к другу.